

Pospelov, Nikolaj Semjenovič

О трех аспектах исторического изучения языка

In: *Otázky slovanské syntaxe : sborník brněnské syntaktické konference*, 17.-21.IV.1961. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962, pp. 128-131

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119397>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

О ТРЕХ АСПЕКТАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ПОСПЕЛОВ (Москва)

1. Следует различать три аспекта в изучении истории языка: а) в плане исторической лексикологии, исторической морфологии и исторического синтаксиса; б) в плане истории литературного языка; в) в плане истории языка художественной литературы. Каждый аспект в изучении истории русского языка в целом имеет свои структурные особенности.

2. В исторической лексикологии, морфологии, синтаксисе изучается история изменения отдельных слов, форм и конструкций, образующих определенную лексическую, морфологическую или синтаксическую систему, внутри которой и происходят эти изменения. Однако ни историческая лексикология, ни историческая морфология, ни исторический синтаксис не освещают путей развития литературного языка как своеобразного синтеза лексики, морфологии и синтаксиса — единого целого, являющегося достоянием всех пользующихся литературным языком в тот или другой исторический период его развития. При этом в исторической лексикологии и исторической грамматике совсем не ставится вопроса о живой синонимической связи изучаемых лексем, форм и конструкций в строе исторически складывающегося литературного языка.

Историческая лексикология и историческая грамматика рассматривают факты языка прошлого в пассивном аспекте их изучения, исходя „из их формы, т. е. из внешней их стороны.“¹ В истории литературного языка эти же факты должны изучаться в активном их аспекте — исходя из функций, т. е. из их внутренней стороны. В частности, в синтаксисе литературного языка при сопоставлении тех или иных конструкций необходимо раскрывать их функциональные тождества и различия и выяснять, какие из выполняющих одну и ту же функцию конструкций получают в развитии литературного языка значение общелитературной нормы.

3. В истории языка художественной литературы все изучаемые явления

¹ Л. В. Щерба. *Грамматика и ее взаимоотношение с лексикой с методической точки зрения*. „Преподавание иностранных языков в средней школе“, Изд. АПН РСФСР, М.-Л., 1947, стр. 84.

концентрируются вокруг основной задачи исследования композиционной структуры литературных произведений, исходя из „образа автора“.

„Исследование языка художественной литературы как словесного искусства неотделимо от исторического анализа форм и типов композиционной структуры литературных произведений, приемов речевого построения образов персонажей, господствующих в ту или иную эпоху принципов организации ‚образа автора‘“ (В. В. Виноградов. *О языке художественной литературы*, М. 1959, стр. 112). Особенно важно подчеркнуть, как это и делает В. В. Виноградов, определяющее значение „образа автора“ в формировании того синтеза разнообразных языковых средств — лексических и грамматических, который характеризует то или иное художественное произведение, переходя в известных случаях в типическую манеру изложения — в стиль автора. При изучении синтаксического строя художественных произведений следует исходить не из понятия предложения, а из теории высказывания, как она строится в современных чешских исследованиях (я имею в виду книгу Л. Долежеля,² статьи и доклады В. Скалички,³ Е. Паулины,³ М. Докулила и Ф. Данеша³), или, как это имеет место в работах советских исследователей, — из учения о сложном синтаксическом целом⁴ или сверхфразных единствах.⁵ Авторское высказывание как объект изучения в истории языка художественной литературы характеризуется строгой локализованностью, твердым прикреплением к определенному периоду в творчестве того или другого автора, тогда как объект изучения в истории литературного языка не является строго локализованным: при наличии определенной авторской документации изучаемые материалы рассматриваются как факты общепринятого языка определенного исторического периода. В частности, в области синтаксиса при изучении языка художественной литературы большую роль играют наблюдения над синтаксической изобразительностью, явлениями несобственной прямой речи, употреблением *praesens historicum* и другими фактами стилистического синтаксиса, над стилистическим использованием в языке автора лексических, морфологических и синтаксических синонимов. Наблюдения над явлениями несобственной прямой речи — над различными

² L. Doležel, *O stylu moderní české prózy*, Praha 1960, str. 7—28.

³ V. Skalička, *Syntax promluvy (enunciace)*, SaS XXI, 1960, str. 241—249; E. Pauliny, *La phrase et l'énonciation*, Recueil de Bratislava I, Bratislava 1948, str. 59—66; M. Dokulil a F. Daneš, *K tzv. významové a mluvnické stavbě věty*, O vědeckém poznání soudobých jazyků, Praha 1958, str. 231—246.

⁴ Н. С. Поспелов. *Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры*. — „Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР“, вып. 2, стр. 46—48.

⁵ Л. А. Булаховский. *Курс русского литературного языка*, т. I, Изд. 5, Киев, 1952, стр. 392—395.

формами ее построения у Пушкина, Гончарова, Достоевского, Чехова — представляют собою материалы для истории языка художественной литературы. Историк литературы в собственном смысле этого слова нечего делать с этими наблюдениями. Употребление *praesens historicum* в различных формах применения у Гончарова, Чехова, Горького и других писателей тоже в значительной мере относится к области истории языка художественной литературы.

Нет достаточного основания относить к явлениям литературного языка в собственном смысле этого слова и развитие такой специфической формы синтаксического построения речи, как период. Для Ломоносова период — структурная особенность литературных произведений высокого „штиля“, для Карамзина — стилистически ограниченная особенность только определенных жанров исторического повествования и ораторской прозы. В истории литературного языка XIX в. период не имеет конструктивного значения и выступает (у Гоголя, Л. Толстого и др.) как определенный стилистический прием, который в качестве объекта изучения переходит в область истории языка художественной литературы. В истории литературного языка XIX в. место периода занимают разнообразные случаи осложнения структуры простого и сложного предложения деепричастными конструкциями, причастными оборотами, обособленными приложениями, предложно-именными оборотами.

4. Литературный язык в отличие от языка как предмета изучения исторической лексикологии и исторической грамматики выступает с чертами общего для определенной эпохи письменного и устного языка, характеризующегося нормотетическими по своей целенаправленности законами развития, действующими в определенное время с обязательностью общезыковой нормы (Ср. Б. Трнка и др. *К дискуссии по вопросам структурализма*, В. Я. 1957, № 3, стр. 44). С другой стороны, как отмечает В. В. Виноградов, „при воссоздании . . . истории литературного языка речевой материал художественной литературы используется не только для характеристики его грамматического строя . . . , но также и для изучения изменений в нормах литературной речи и для изображения путей или тенденций дальнейшего развития литературного языка“. (*Наука о языке художественной литературы и ее задачи*. М., 1958, стр. 5.) Необходимо только при этом подчеркнуть, что именно вторая задача вскрывает специфику истории литературного языка как выделившейся из истории языка самостоятельной научной дисциплины. Историю литературного языка в целом характеризуют две общие, противоположные друг другу тенденции его развития: 1. стремление к сохранению и укреплению действующей в нем нормы и 2. стремление к преобразованию сложившейся нормы (Ср. В. Navránek, *Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und*

Sprachkultur. Actes du IVe Congrès international des linguistes. Copenhague, 1938, p. 154). В силу решающего значения момента выбора в становлении и оформлении той или другой нормы литературного языка в его развитии большую роль играет отбор моделей, осуществляемый в процессе столкновения синонимических средств выражения того или иного лексического значения или грамматической функции. Вследствие специфической организованности литературного языка в противоположность спонтанности разговорной речи, как об этом хорошо сказал Щерба, развитой литературный язык, являясь историческим результатом такого отбора, „представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотносенных друг с другом“.⁶ В отличие от исторического синтаксиса,⁷ объектом изучения в истории синтаксического оформления литературного языка является не судьба отдельных конструкций и моделей в их исторических изменениях и взаимосвязях, а глубокие процессы структурного преобразования самих типов синтаксических конструкций в результате отбора синонимических моделей при установлении определенной нормы выражения того или другого синтаксического значения. Анализ синонимических соотношений при выражении синтаксическими конструкциями тех или иных значений выступает при изучении истории литературного языка как главное средство выяснения путей формирования синтаксических норм литературного языка. Поэтому и накопленные в описании истории отдельных конструкций материалы используются в истории литературного языка для синонимического сопоставления конструкций при исследовании путей становления и укрепления в литературном языке определенного периода тех или иных моделей в качестве складывающихся синтаксических норм литературного языка.

⁶ Л. В. Щерба. *Современный русский литературный язык*. „Избранные работы по русскому языку“, М., 1959, стр. 121.

⁷ Превосходным образцом разработки проблем исторического синтаксиса может служить вышедшая в прошлом году книга Я. Бауэра *Vývoj českého souvětí*, Praha 1960.